

Эти дни в дороге позволили Линь Гофэну осознать, как сильно он в тот день заблуждался на счёт Цзинь Яньцзы и Мастера Майтреи: между ними ничего не было! Узнав об этом, Линь Гофэн целых несколько дней ходил сам не свой от восторга! Цзинь Яньцзы, Лю Ифэй, я, Линь Гофэн, непременно женюсь на тебе! Только бы мои старшая жена Моркадес и вторая жена Анджелина Джоли не начали ревновать! Ах да, ещё есть Белая Ведьма Ли Бинбин! Вы все будете моими!

— Где, где?! Я гляну! — услышав это, Линь Гофэн принялся вертеть головой во все стороны и вглядываться вдаль. Давайте же от души презрём Линь Гофэна, восплававшего страстью к первой встречной!

Что до трёх бессмертных, то поведение Линь Гофэна за эти дни вызвало у них поистине крайнее разочарование: как они раньше не замечали, что этот парень такой бабник?! Впрочем, к выходкам Линь Гофэна, который то и дело кривлялся хуже цирковой обезьяны, нынешние спутники уже давно привыкли. На днях, желая хоть капельку рассмешить Цзинь Яньцзы, Линь Гофэн умудрился затянуть шутку! Он вовсе распинался:

— Яньцзы, я тебе анекдот расскажу, конечно же, я, Линь Гофэн, никогда бы так не поступил~ Жил-был один человек, и женился он на писаной красавице.

Жена:

— До свадьбы ты называл меня ангелом?

Муж:

— Верно.

Жена:

— Почему же теперь ты меня так не зовёшь?

Муж:

— Ох, дорогая, тебе радоваться надо, ведь теперь-то у меня в голове гораздо больше порядка.

А вот на корабле:

— Дорогой, если этот корабль начнет тонуть, кого ты спасешь сначала: меня или наших детей?

— Сначала спасу себя.

Жена:

— Прошлой ночью мне приснился прекрасный сон, будто ты пообещал дать мне двести лянов серебра на покупку одежды. Дорогая, ты ведь исполнишь мой сон наяву?

Муж:

— Разумеется. Какое совпадение, мне как раз приснилось, будто я отдал тебе эти двести лянов!

...

Выслушав это, Цзинь Яньцзы зашлась в таком смехе, что её всю трясло, и от бывшего величия не осталось и следа.

В этот момент Линь Гофэн принялся бить себя в грудь, заверяя:

— Не бойся, Яньцзы, я, Линь Гофэн, уж точно никогда так не поступлю! Я во всём буду тебе подчиняться, окружу тебя заботой и вниманием, всё, что пообещаю, обязательно исполню... (здесь опущено десять тысяч слов).

Цзинь Яньцзы всё смеялась и смеялась, не в силах остановиться, а у Безумца Тана на лице застыло такое выражение презрения, что он мысленно проклинал себя за то, что увязался за таким типом!

— Небеса слепы, небеса слепы! — Безумец Тан был близок к слезам.

...

Услышав это, остальные тоже проследили за взглядом Цзинь Яньцзы и от увиденного испытали страшное потрясение!

— Плохо дело! Это пустынные муравьи-воины! — Лю Дунбинь, повидавший на своем веку немало, первым узнал красную полосу на горизонте.

При словах Лю Дунбиня лица всех мгновенно переменились, и Линь Гофэн прекратил свои кривляния. Хоть Линь Гофэну и не доводилось слышать о пустынных муравьях-воинах, но раз это муравьи, да ещё в таком количестве... Линь Гофэна невольно пробрала дрожь.

Безумец Тан торопливо принялся ворожить на пальцах, и лицо его тут же исказилось:

— Скорее! Мы должны побыстрее идти на юг! Там есть древний город! Возможно, он нас

спасёт!

Все прекрасно знали о способностях Безумца Тана, поэтому никто не стал задавать лишних вопросов. Они спешно вскочили на верблюдов и помчались на юг.

Красная «волна» подступала всё ближе: то, что ещё недавно казалось тонкой нитью на краю небосвода, превратилось в сплошной катящийся вал, который стремительно сокращал расстояние.

Перед глазами возникли руины небольшого полуразрушенного древнего города, и отряд Линь Гофэна стрелой влетел за его стены.

Остатки обрушившихся стен и башен то появлялись, то исчезали в клубах жёлтого песка, а некоторые торчали наружу лишь самыми верхушками.

О, друг мой, каков смысл этого расставания?

Стоим мы с конями, вино допивая в тоске о ссылке.

Из Вуских уездных высот долетает плач обезьян — слёзы льются рекой,

А с юга, из Хэнъяна, летят журавли, неся письма издалека.

Над синевой Цинфэна осенние паруса уходят всё дальше,

У Белого императора город заброшен, редуют старые клёны.

Ныне век благодатный, повсюду роса да дожди,

Не будем же хмуриться, пусть даже разлука пока что горька.

Закончив декламацию этого стихотворения, Линь Гофэн пошло ухмыльнулся. Строки о проволочках чиновника Ли в удел Ся, написанные Гао Ши, сейчас пришлись как нельзя кстати, придав описанию древнего города особую изюминку.

Талантливые люди во все времена привлекали к себе всеобщее внимание, и стихи Линь Гофэна помогли хоть немного развеять охвативший всех страх.

Лю Дунбинь с одобрением кивнул Линь Гофэну, после чего велел спутникам разложить вдоль периметра маленького городка кучи сухих дров на расстоянии двух метров друг от друга, а также притащил кусок уцелевшей стены и несколько сухих балок, чтобы забаррикадировать

главные и задние ворота древнего города.

Закончив с приготовлениями, он заметил, что хотя «красная» «морская волна» подошла гораздо ближе, у них ещё оставалось немного времени. Как говорится, зная врага и зная себя, не потерпишь поражения в сотне битв, и Лю Дунбинь принялся рассказывать о повадках пустынных муравьев-воинов.

— На самом деле муравьи-воины — существа очень мелкие, их жизнь хрупка, и прикончить их проще простого. Страшно другое: они всегда сбиваются в стаи и почти никогда не действуют поодиночке. К тому же, по преданию, в незапамятные времена западный бог муравьёв даровал их потомкам способность пожирать небожителей.

Обычно они беспрестанно маршуют круглые сутки, находя добычу, пожирая её и перетаскивая с места на место. С наступлением ночи пустынные муравьи-воины вцепляются друг в друга жвалами, образуя гигантский муравьиный шар, внутри которого отдыхают. Рабочие муравьи держатся по внешнему кругу, а солдаты и молодняк прячутся в самом центре — делается это ради защиты подрастающего поколения. Они не роют нор и не живут под землей, их стихия — суша.

Пустынные муравьи-воины передвигаются с невероятной скоростью. И хотя каждый отдельный муравей донельзя мал, и обычная капля воды способна смыть или утопить его, вместе они обладают столь колоссальной силой, что ничто не в силах преградить им путь. Натыкаясь на овраг, они сцепляются в шар и катятся вниз, словно мяч, цепляясь друг за друга до самого противоположного берега, создавая живой муравьиный мост, по которому марширует вся армия. Если же пропасть оказывается шире, передовые отряды без малейших колебаний бросаются в бездну, словно утрамбовывая фундамент для постройки дома, пока овраг полностью не заполнится телами, позволяя остальной войску пройти дальше. Разумеется, зрелище это трагично до глубины души, ведь равносильно самоубийству: бесчисленное множество муравьёв уносит потоком или они отстают от колонны, но ни один не отступает назад.

Охотничьи навыки пустынных муравьёв-воинов поражают воображение. Тигры, львы и прочие гиганты, превосходящие их по размерам в сотни и тысячи раз, служат для них излюбленным лакомством. И пусть тигр невероятно силен и легко справился бы со штукой-другой сотен муравьёв, когда на его тело непрерывным потоком взбираются тысячи и десятки тысяч жутких насекомых, разрывая его на части, в конце концов от зверя остается лишь одна побеждённая оболочка.

При всей своей многочисленности армия муравьёв отличается железной дисциплиной: во время трапезы чёрный муравей, отхватив кусок добычи, немедленно отступает, уступая место сородичу; на марше в голове и хвостах колонны всегда идут самые сильные особи, а слабых, больных и раненых обязательно несут на себе как минимум два муравья; когда передовой отряд сталкивается с опасностью или преградой, они мгновенно передают друг другу сигнал, тут же разворачиваются, и всего за несколько минут арьергард становится авангардом, позволяя войску стремительно уйти из опасной зоны.

...

Слушая это, спутники чувствовали, как спины им холодеет всё сильнее.

— Стоит лишь свинье или леопарду столкнуться с пустынными муравьями-воинами, как через три минуты от них останутся одни голые кости. Такая устрашающая сила объясняется двумя причинами: во-первых, их невероятным количеством, а во-вторых, ядом в их слюне. Жертва после первого же укуса мгновенно парализуется и теряет способность сопротивляться. Нам, бессмертным, с этим тоже не справиться — против такого яда защита заклинаний бессильна. К тому же пустынные муравьи-воины способны преодолевать более двух километров в час.

Лань Цайхэ тоже вставил слово:

— Если говорить о военном искусстве, то лишь вид пустынных муравьев-воинов способен заставить ваше сердце замереть от ужаса, а по спине побегут холодные капли пота. Эти отважные воительницы облачены в прочные панцири, их хитиновые покровы тверды как железо, а жвалы острее кривых сабель. Они применяют тактику муравьиного моря, обрушиваясь на врага превосходящими воображение силами, и благодаря численному превосходству рубят, кромсают и шинкуют в капусту жертв, чьи размеры многократно превышают их собственные. Представьте себе толпу людей, размахивающих копьями у ног мамонта — ровно такая же пропасть в размерах разделяет пустынных муравьиных полчищ, когда те штурмуют птицеведов или скорпионов. И каждый день армия муравьев выходит победительницей из десятков тысяч подобных схваток.

Рассказ Лань Цайхэ нарисовал в воображении столь яркую картину, что спутников охватил ещё больший ужас: при одной мысленке об этом зрелище их души трепетали от первобытного страха.

— Разумеется, раз мы знаем об их силе, у нас есть способы противодействия и спасения. Существует особый защитный механизм, основанный на слепоте пустынных муравьев-воинов, но он требует железной выдержки и полного хладнокровия.

Столкнувшись с миллионами муравьев, палочник замирает абсолютно неподвижно; стоит ему шевельнуться, как пустынные муравьи-воины уловят вибрацию и перейдут в атаку. Точно так же и жуки полагаются лишь на свою броню, просто пережидая проход муравьиной орды.

Если к тому моменту мы действительно не сможем удержать город, всем останется лишь замереть на месте — мы втроем применим бессмертную магию, чтобы обездвижить вас.

С этими словами Лю Дунбинь невольно нахмурился, подумав про себя: дай бог, чтобы до такого не дошло. Собрать вместе столь гигантскую армию пустынных муравьев-воинов... волей-неволей начинаешь верить, что за этим кто-то стоит.

Вскоре показалось заходящее солнце.

Безумец Тан полностью оправдывал своё прозвище божественного предсказателя: посреди руин этого маленького древнего городка он отыскал колодец и, немного углубив его, докопался до влажного песка.

Безумец Тан торопливо сорвал с себя верхнюю одежду, туго обернул ею влажный песок и отнёс в тень. Вскоре ему удалось отжать несколько капель воды, и остальные последовали его примеру, благодаря чему перед предстоящей битвой у них хоть немного восстановились силы.

Вода — источник жизни, и без неё человек, само собой, долго не протянет. Бессмертным-то она ни к чему, но среди них всё же оставались трое смертных (в этом пространстве вызывать ветер и дождь способны лишь избранные небожители, к коим Лю Дунбинь с товарищами явно не относились; умей они летать по воздуху и пробивать толщу земли, им бы и вовсе не пришлось тащиться сюда на своих двоих).

Красная пелена волн подступала всё ближе. Однако с наступлением темноты температура в пустыне резко упала, скатившись до минус двадцати-тридцати градусов. Муравьиная лавина перестала сокращать дистанцию: вместо этого насекомые сбились в сплошной шар, нарастая слой за слоем и поднимаясь всё выше, окружив маленький городок на расстоянии примерно тысячи метров.

И хотя они остановились, все шестеро в крепости понимали: решающая битва лишь назревает, и завтра на рассвете, а то и глубокой ночью пустынные муравьи-воины пойдут на штурм. Стоит им прорваться внутрь — и в живых не останется никто.

Внутри города:

— Бессмертный Лю, Бессмертный Лань, как вы думаете, неужели этот способ действительно поможет нам пережить нынешнюю напасть? — с тоской в голосе спросил Мастер Майтрея, глаза которого заволокло скорбью.

— По правде говоря, я и сам не знаю! — беспечно рассмеялся Лю Дунбинь. — У каждого своя судьба, да и наш ученик отмечен великой благодатью.

<http://bllate.org/book/21109/2142455>